

F * W

FANTASY ✱ WORLD

ВАЛЕРИЙ КРАСНИКОВ

СКИФ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 20

Оформление художника *Владимира Ненова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Красников, Валерий

К78 Скиф: роман / Валерий Красников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-111464-0

В конце четвертого века до нашей эры юноша скиф спасается бегством из захваченного кочевниками городка, а молодой разведчик-ликвидатор в пятидесятых годах прошлого века погибает во время операции в Мюнхене. Так случилось, что тело скифа стало временным домом для сознания разведчика из двадцатого века. Он оказался в том времени, когда Великий Гелон — столица лесостепной Скифии, обезлюдел, Ольвия и Херсонес готовятся к войне за морское владычество, а молодое Боспорское царство во главе с архонтом Сатиром стремится покорить Феодосию. Сарматы, меоты и синды — каждый народ стремится к влиянию и оставляет свой след в истории. Смогут ли его знания и опыт прошлой жизни помочь ему в новых, невероятно тяжелых для выживания условиях? Окажет ли наш герой влияние на ход исторических событий?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111464-0

© Валерий Красников, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Яркое, пылающее жаром солнце затянуло тучами. Нежный, едва ощутимый в полуденном зное ветерок задул яростно. Старый беспалый пастух тревожно посмотрел на небо. Еще вчера он знал, что знойная сушь, стоящая с начала лета, сменится желанными дождями, однако погода портилась быстрее, чем он ожидал.

Пастуха звали Андарином из рода Нотона. И пас скот он не всегда. Когда-то отважный десятник всадников Ильмека достойно сражался. Десять зим назад к воротам городка подошли кочевники. Хоть и одетые как сколоты*, они грабили и безжалостно убивали оседлых сородичей. Их боялись и ненавидели все сколотские племена за то, что они поедали павших в бою, а с живых снимали кожу, чтобы обтянуть ею свои гориты**. Рубили пленникам го-

* *Сколот* — самоназвание скифов. Переводится как царские. Существуют и другие версии перевода, например, лучники.

** *Горит* — деревянный футляр для лука и стрел.

ловы, нанизывали их на ремни и вешали на конскую шею, устрашая чужаков и бахвалясь друг перед другом. Отец истории* называл их андрофагами, что в переводе с греческого языка означало — людоеды.

Чуть позже тысячи всадников из Гелона** спасли городок от разорения, а его население от печальной участи. Чуть позже... а тогда три сотни рослых всадников, размахивая над головами длинными мечами, не прячась от кам-

* *Отец истории* — Геродот. Геродот Галикарнасский (около 484 г. до н. э. — около 425 г. до н. э.) — древнегреческий историк, автор первого сохранившегося полномасштабного исторического трактата — «Истории».

** *Гелон* — согласно Геродоту, город в земле скифского племени будинов, столица племени гелонов, которое якобы происходило от греческих колонистов, изгнанных из приморских поселений и осевших среди будинов. Жители города говорили на смеси скифского и греческого языков. По версии Б. А. Шрамко, Гелон отождествляется с Бельским городищем возле села Бельск Котелевского района Полтавской области (Украина). Геродот описывает Гелон как деревянный город, обнесённый высокой стеной, каждая сторона которой протянулась на 5,5 км, с деревянными же домами и святилищами, в том числе эллинских богов. У этой версии есть и противники. Однако автор «Скифа» принимает именно эту версию. Бельское городище окружено валом протяженностью около тридцати семи километров и состоит на самом деле из трех поселений. Если пофантазировать, то можно предположить, что насыпались эти валы для защиты от меланхленов, племени кочевников-людоедов.

ней и стрел, летящих в них, спешили отогнать стадо Ильмека в степь. Андарин и сотня Хазии кружили вокруг, стреляли из луков, метали пращами камни. Увы, дикарям, сынам Еллун*, защищенным железной броней, ни камни, ни бронзовые наконечники стрел были не страшны. И сколоты любили войну и воинскую добычу, но их враги войной жили! Поэтому на каждом из них позванивала на скаку захваченная в бою сармийская броня и добрый меч легко рубил сколотские головы. Кочевники, разогнав защитников Ильмека, в тот раз отступили, угоняя скот в степь. Хазия приказал отправляться в погоню, не дать врагам увести скот.

И снова сколоты, рассчитывая на помощь из Гелона, подобно собачьей своре, атакующей кабана, удерживали врагов. Андарин, разворачивая коленями коня, натягивал тетиву, целился в дикаря. Сколько раз за тот бой ему хотелось выстрелить в коня номада, но сердце не позволяло причинить вред благородному животному, верному другу каждого сколота, а враг имел хорошую броню. Куда стрелять? Вдруг чья-то стрела разорвала кочевнику ухо. Он запрокинул голову, и десятник, наконец, пустил свою стрелу в незащищенную, открывшуюся для смертельного выстрела шею. Враг свалился с коня, а Андарин, радуясь удачному выстрелу, воскликнул:

* *Еллун* — так скифы называли злого духа, демона.

— Хэй!

Радовался он не долго, заметил, как другой дикарь уже занес над ним меч. Муртак, получив в бока пятками, резво прыгнул в сторону, спасая хозяина от смерти. Войлочная тиара* слетела с головы скелота, а путь к бегству перекрыли десяток врагов. Спрятав лук в кожаный горит, Андарин выхватил из ножен акинак** и, закусив ус, направил коня на грозного, но одинокого кочевника. Тот, разгадав намерение скелота, улыбался, поигрывая мечом.

Вспоминая о том, что произошло потом, пастух проклинал дикаря, проклинал все десять прошедших долгих лет. Разбойник его не убил, он умело отсек ему пальцы, чтобы больше никогда Андарин не смог воспользоваться луком. Тогда людоеды отпустили его, еще не зная, что сами уже не вернутся в свои земли. Всадники из Гелона разорили их стойбища до реки Танаис***. Прошли годы, людоеды больше не беспокоили жителей Ильмека.

Покалеченная дикарем рука болела уже два дня. Андарин знал — к дождям. Воздух пах влагой с вечера. Принюхиваясь, пастух задержал

* *Тиара* — высокий головной убор, колпак. Обычно войлочный, мог быть кожаным и даже золотым у царя.

** *Акинак* — скифский кинжал длиной около тридцати сантиметров. Не часто, но все же встречаются акинаки от сорока до шестидесяти сантиметров.

*** Танаис — река Дон.

взгляд на хмуром горизонте и медленно побрел к стаду, вокруг которого носились ликующие детишки. Ему навстречу шел сын, названный четырнадцать лет назад Фароатом. Имя ему дала мать, прежде чем умерла от горячки. За последний год мальчик вытянулся и возмужал. Уже этим летом он пойдет с воинами Хазии на свою первую охоту, а потом, быть может, и в поход, туда, где садится солнце, или к Понту*.

«Лучше в дикие земли! Раб много стоит, а заносчивые припонтийцы нас называют дикарями и за хлеб платят хуже, чем торгошам из земли больших каменных курганов**».

Фароат схватил отца за здоровую руку:

— Отец, дождь! — закричал он, радуясь первым каплям, и закрыл глаза, ослепленный яркосиней вспышкой молнии.

Ударил гром. Заблеяли овцы, коровы подняли от земли головы и замерли в тревоге.

— Пойдем, сынок, укроемся от дождя.

Они подошли к лошадям, и Фароат, сняв со спины пегой кобылы шесты и коровью шкуру, стал мастерить навес.

Дети, еще недавно резвившиеся на выпасе, убежали за ворота под соломенные крыши мазанок. А пастухи присели под наброшенную на шесты шкуру. Андарин кормил сына хлебом

* Понт — Черное море.

** Земля больших каменных курганов — Египет.

и сыром, любуясь его лицом. Фароат был похож на Лабри — свою мать.

«Алиша, дочь Артаза, глаз не отводит от сына. Только отдаст ли Артаз ему свою дочь? Проклятые дикари! Артаз разбогател, а я? Сколько рабов мог бы привести? Сколько хлеба они вырастили бы для меня?!»

— Отец, Хазия возьмет меня на охоту?

— Возьмет, сынок, — ответил Андарин и задумался о старом луке и железном акинаке, что в нужде сумел сохранить для сына.

Загорелое и неподвижное, с круто изогнутыми бровями, далеким взглядом карих глаз, заросшее густой бородой лицо отца испугало Фароата:

— Что случилось, отец? Чем ты встревожен?

— Не я учил тебя стрелять из лука...

— Афросиб научил меня!

— Я знаю, — ответил Андарин.

Косые струи дождя полоскали землю, животные сбились в кучу.

— Пойдем, сынок. Пора возвращаться домой.

Андарин вылез под дождь и побрел к коню. Муртак, учуяв хозяина, наострил уши и заржал. Пастух здоровой рукой потрепал седую гриву, быстрым движением беспалой смахнул капельки воды с его шеи и сел верхом. Подгоняемое криком пастуха стадо, поскальзываясь на размокшей глине, медленно побрело к городку.

Фароат покинул убежище и под проливным дождем спешил разобрать навес. Намокшая шкура стала тяжелой, и он с трудом свернул ее. Пегая равнодушно стояла, пока Фароат пристраивал на ее спине поклажу, и недовольно всхрапнула, ударив в воздух задними ногами, когда юноша взобрался ей на спину. Отца он нагнал у кибиток воинов Хазии. Дед вождя был еще степняком и кочевал с родом от Ильмека до Понта, пока Афендот из Неаполя, а городишко тот был ничем не лучше Ильмека, не объявил себя архонтом* и стал жить как эллин. Воины привязали его к конскому хвосту и гнали коня по горам до самого Понта. Вожди, близкие родами к Афендоту, решили отомстить деду Хазии. Тот со своими людьми, их женами и детьми добежал до Ильмека, где и осел. До сих пор воины живут в землянках на южной стороне и оберегают городок, поставив свои кибитки за низким валом, опоясывающим богатые усадьбы. Чуть дальше, там, где заканчивается мысок, на котором стоит городок, насыпан высокий вал, защищающий Ильмек от кочевников. С трех сторон крутые склоны, заросшие редким кустарником, делают городок неприступным. Спуститься в глубокий овраг можно, а вот подняться наверх быстро уже не получится.

* *Архонт* — начальник, правитель, глава — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

Со времен деда Хазии воины держали свое стадо овец. Отправляясь в поход за рабами, или сопровождая обоз с пшеницей к Гелону, откуда, бывало, они уходили дальше к Понту до самой Ольвии к эллинам, всегда брали с собой овец, даже возили их на холках своих коней, когда нужно было поспешить. Отару воинов Андарин отделил от коров и погнал к землянкам. Женщины спешили увести своих животных к жилищам.

Чуть позже изрядно поредевшее стадо Андарин и Фароат погнали к центру городка мимо низких, обмазанных глиной полуземлянок пахарей и срубов ремесленников к усадьбе Силака. Ему принадлежала большая часть урожая и оставшиеся в стаде коровы были его.

Силак вершил суд. Андарин сетовал в мыслях: «Когда я был в возрасте Фароата, все было по-другому. Урожай делили по ртам, оставшийся хлеб меняли на эллинское вино и масло, бронзовые изделия мастеров из Гелона. Золота не видели, зато ели хорошо, пили, охотились в лесу и на озерах, пахали землю и воевали по нужде и в охотку. Гончар лепил и обжигал глину, женщины вместе валяли овечью шерсть, пряли, дубили конские и коровьи шкуры. Хорошо было, пока нравы архонтов понтийских городов из сколотских родов не перекинулись в Гелон и его окрестности. Архонт требовал часть урожая, приплода и золота, обещал защитить от кочевников-людоедов. Что же, за-

щитил. Такой силы и эллинским архонтам собрать нынче не по силам. Прогнали дикарей за реку, но жить стали хуже...»

Фароат плохое настроение отца воспринял иначе: «Кончится дождь, соберет Хазия воинов на охоту и меня возьмет. Кто отцу поможет со стадом управиться?» Так, думая каждый о своем, добрались они до плетня усадьбы Силака. Сармийка* Соня, приговаривая по-своему, забрала коров. Фароат, который раз подивился тому, что многое из языка сармиев ему понятно. «Вот ведь как! Что эллины говорят, не понять, а сармии тоже говорят не так, как мы, но все понятно!»

Прислужница Силака — Ани отвела их в дом, стоящий неподалеку от летнего загона. Накормила вареным мясом, налила кислого вина. Быстро захмелев, Фароат прилег у очага. От вымокших под дождем штанов и куртки повалил пар. Ему не хотелось идти в их с отцом лачугу, где еще нужно было разжечь огонь в очаге, почистить кобылу и, может быть, отцовского Муртака. Нащупав в кожаном мешочке, который он всегда носил на шее, несколько пшеничных зерен, бросил их в огонь и попросил богов о благе для себя и отца. Едва прилег, как сразу уснул.

* *Сармийка, сармии* — тут сарматка, сарматы — кочевые племена, существовавшие параллельно со скифами, в описываемый период — за рекой Дон и на Кубани.

Мокрым утром, еще до зари, его разбудила Ани. Конь отца и пегая кобыла пофыркивали за тонким глиняным простенком. Отец отдыхал на овечьих шкурах, там, где обычно спала служанка.

— Фароат, проснись, если еще не передумал стать охотником. — Услышав Ани, парень вскочил с земляного пола. — Беги за луком и акинаком, — улыбаясь, прошептала женщина.

— А как же отец? — встревожился Фароат.

— Беги, я позабочусь о нем.

Он выбрался из лачуги и, поскользнувшись в грязи, упал. Моросил редкий дождик. В непроглядной тьме слышались стуки и далекие голоса. Фароат вывел из хлева кобылу и, держась плетня усадьбы Силака, медленно пошел к выходу.

В отцовской лачуге пахло сыростью. Оставленная снаружи кобыла похрустывала сухой лепешкой. Фароат на ощупь нашел сверток из мягкой шкуры ягненка и, достав из него огниво, поджег сложенный в очаге костерок. Рядом стоял древний, обитый потемневшей медью эллинский сундук. В нем хранились богатства рода Нотона: горит с луком и стрелами, аки-нак, египетские и персидские стеклянные бусы матери, десяток заморских ракушек, за которые теперь и барана не купишь, монисто из серебряных драхм — все, что смог накопить отец для него. Обтянутый кожей быка щит и короткое копье с железным наконечником лежали у входа на земляном полу.

Фароат достал из сундука оружие, натянул на лук тетиву, подпоясался широким кожаным поясом с большой, в виде головы птицы, бронзовой пряжкой, обулся в мягкие, но затертые, в черных жирных пятнах, чувяки и, не гася огонь, покинул лачугу.

Пегая заупрячилась, едва Фароат взял ее под уздцы, забила копытом и заржала. Фароат, вспомнив, как отец без узды, одними коленями, лихо правит своим конем, приуныл. Услышав, как заржали в ответ кобыле жеребцы охотников, в сердцах ударил ее кулаком по мохнатой морде. Обиженно всхрапывая, пегая бестия позволила Фароату сесть на себя.

Прося прощения у богов за обиду, нанесенную лошади, юноша шагом поехал к охотникам.

— Фароат, Фароат... — уже на окраине городка, у самых повозок воинов Хазии его позвала Алиша — дочь Артаза. Тихо, таясь от родни, звала. Свернув к повозкам, он подъехал к той, за которой она спряталась. Девушка поспешно забросила на холку кобылы переметные сумы и, ласково коснувшись руки Фароата, ушла, растворившись в предрассветных сумерках, не сказав больше ни слова.

— Спасибо! — крикнул он ей вслед и услышал вдалеке многоголосое: «Хей!»

Отряд охотников выступил в поход. Фароат не беспокоился о том, что Хазия его не дождался: два десятка повозок будут на протяжении всей охоты сопровождать охотников. Если